

Марина
Степнова

БЕЗБОЖНЫЙ
ПЕРЕУЛОК

Роман



РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Художник Владимир Мачинский

Издательство благодарит литературное агентство
“Bankе, Gouten & Smirnova” за содействие в приобретении прав

Степнова, Марина Львовна.

С79 Безбожный переулочек : роман / Марина Степнова. — Москва :
Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2024. — 379, [5] с. —
(Марина Степнова: странные женщины).

ISBN 978-5-17-127446-7

Марина Степнова — лауреат премии “Большая книга”, автор книг
“Сад”, “Женщины Лазаря”, “Хирург” и “Где-то под Гроссето”. “Без-
божный переулочек” — роман воспитания и вместе с тем история
любви; переведен на 14 языков.

Главный герой книги Иван Огарёв с детства старался выстроить
свою жизнь вопреки — родителям, привычному укладу пусть
и столичной, но окраины, заданным обстоятельствам: школа — ар-
мия — работа. Трагический случай подталкивает к выбору профес-
сии — он становится врачом. Только снова всё как у многих:
мединститут — частная клиника — преданная жена... Огарёв при-
нимает условия игры взрослого человека, но... судьба опять пре-
подносит ему неожиданное — любовь к странной девушке, для ко-
торой главное — свобода от всего и вся, в том числе и от самой
жизни...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-127446-7

© Степнова М.Л.
© ООО “Издательство АСТ”

Глава 1

От Мали осталась только баклева. Никто не знал, что это такое. Но вкусно. Сто грецких орехов (дорого, конечно, но ничего не поделаешь — праздник) пропустить через мясорубку. Железная, тяжеленная, на табуретке от нее предательская вмятина, ручка прокручивается с хищным хрустом, отдающим до самого плеча. Когда делаешь мясо на фарш, разбирать приходится минимум трижды. Жилы, намотавшиеся на пыточные ножи. Но орехи идут хорошо. Быстро.

Калорийных булочек за девять копеек — две с половиной.

Смуглые, почти квадратные, склеенные толстенькими боками. Темно-коричневая лаковая

спинка. Если за десять копеек, то с изюмом. Не-
нужную половинку — в рот, но не сразу, а нежни-
чая, отщипывая по чуть-чуть. Некоторые еще лю-
бят со сливочным маслом, но это уже явно лиш-
нее. Смерть сосудам. На кухню приходит кошка,
переполненная своими странными пищевыми
аддикциями (зеленый горошек, ромашковый чай,
как-то выпила тайком рюмку портвейна, наутро
тяжко страдала). Почувяв изюм, орет требователь-
но, как болотный оппозиционер. Приходится де-
литься — но ничего, без изюма калорийные бу-
лочки даже вкуснее. Теперь таких больше не дела-
ют, а жаль. И кошка давно умерла.

Булочки надо перетереть руками, поэтому
важно, чтобы были вчерашние, чуть подсохшие.
Еще важнее не забыть и не слопать их с утра с ча-
ем. Потому в хлебницу их, подальше, подальше
от греха. Чревообъедение, любодеяние, сребролю-
бие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость.
Святитель Игнатий Брянчанинов. Бряцающий
щит и меч святости. Прости мя, Господи, ибо аз
есмь червь, аз есмь скот, а не человек, поношение
человеков. Приятно познакомиться. Мне тоже.
Протестанты, кстати, заменяют уныние ленью —
и это многое объясняет. Очень многое. Ибо хри-
стианин, которому запрещено унывать, не брат
христианину, которому запрещено бездельничать.

И перерезанных, замученных, забитых во имя этого — легион.

Аминь.

Конечно, булочки — это условность. Позднейшая выдумка. Чужие каляки-маляки поверх строгого канонического текста. Маргиналии на полях. Изначально был только мед, грецкие орехи, анисовые семена. Мускатный орех. Булочки прибудились в изгнании, да и не булочки, конечно, — хлеб. Вечная беднота. В ДНК проросший страх перед голодом. Супермаркеты Средиземноморья до сих пор полны сухарями всех видов и мастей. Рачительные крестьяне. Доедаем всё, смахиваем в черствую ладонь даже самую малую крошку. А эти и вовсе были беженцы без малейшей надежды на подавание. Какие уж тут булочки? Ссыпали в начинку все объедки, которые сумели выпросить или найти. Радовались будущему празднику. Готовились. Волновались.

Это мама придумала добавлять булочки? Мамина мама, может быть? Она говорила? Ты помнишь?

Смотрит в сторону. Ничего не говорит. Опять.

Ладно. Тогда варенье из роз.

Когда-то достать было невозможно в принципе. Только обзавестись южной родней, испортить себе кровь и нервы всеми этими хлопотливыми

мансами, истошными ссорами навек, ликующими воплями, внезапными приездами всем кагалом или аулом (в понедельник, без предупреждения, в шесть тридцать утра). А Жужуночка наша замуж вышла, ты же помнишь Жужуну? Не помню и знать не хочу! Но вот из привезенного тряпья, из лопающихся чемоданов с ласковым лопотанием извлекается заветная баночка. Перетертые с сахаром розовые лепестки. Гладкая, едкая горечь. Вкус и аромат женщины. Но неужели нельзя было просто посылкой, божежтымой?!

Варенья из роз нужна столовая ложка — не больше, потому что...

Черт. Телефон.

Да, здравствуйте. Нет, вы поняли совершенно неправильно. В вашем случае уместнее три миллиона единиц, а не полтора. Нету? Значит, придется два раза по полтора. Сами знаете куда. Сочувствую.

Да. До свидания.

Итак, розы. Надо сразу признаться, что никакой южной крови и родни у меня нету. Я настолько русский, что это даже неприятно. Чистый спирт, ни на что совершенно не употребимый. Даже на дезинфекцию. Чтобы выпить или обработать рану, придется разбавить живой водой. Иначе сожжешь все к чертовой матери. В де-

вяношестипроцентной своей ипостаси спирт годен разве что для стерилизации. Неприятно осознавать себя стерильным. Неприятно осознавать себя вообще. Хоть капля другой крови придала бы моей жизни совсем другой смысл. Но — нет.

Позвольте представиться — Огарёв Иван Сергеевич.

Нет, не родственник того и не товарищ — этого.

Иван Сергеевич — тоже всего лишь пустая ре-минисценция.

Я врач.

Всего-навсего врач.



Еще в баклеву кладут вишню. Вернее, вишневое варенье, и тоже особое — без косточек и без сиропа, практически сухие, темные, гладкие ягоды, плотно заполнившие литровую банку. Одна к одной. Косточки вынимали шпилькой. Помните, были такие? Изогнутая английской буквой *U* проволочка, чуть волнистая, с крошечными шариками на острых концах — чтобы не поранить тонкую кожу. Вскинутые локти, быстрые движения слепых пальцев, укладывающих на затылке узел, птичий наклон головы. Коса. Пробор. Завитки

у низкого нежного лба и сзади, на шее. Быстрый невнятный вопрос сквозь смеющиеся, стиснутые в зубах шпильки. Прекраснее женщины, которая поправляет прическу, только женщина, в которую ты влюблен. Как жаль, что они все стригутся теперь, дурочки.

У Мали были длинные волосы. Сама Маля — была.

Чистить вишни долго — кропотливая работа, лучше вдвоем, а то и втроем — и все равно перепачкаешься по уши, сок потом не вывести ничем, уйди, не вертись без конца среди женщин, ты же мальчик, как это ничем, дорогая, если отлично выводится? Ну, знаешь, берешь пол чайной ложки лимонки...

Я бреду, то и дело оглядываясь и нарочно волоча ноги, загребая сандалиями песок, сухую хвою, липкие невидимые призраки будущих масляток — чужая подмосковная дача, хрупкие деревянные стропила прошедшего детства.

Я — мальчик. Меня — выгоняют. Мне — отказывают.

Я уже понимаю, что это — трагедия, но еще не догадываюсь, что так будет всегда.

Выпотрошенные вишни кладут в таз — большой, медный, с деревянной ручкой — и варят по новой для Агафьи Михайловны методе, без при-

бавления воды. Помните, в “Анне Карениной”? Да нет, откуда вам помнить... Женское общество на террасе, шитье распашонок, вязание свивальников. Беременная Кити. Анковский пирог. Лимоны, сливочное масло, ненависть — прямо с погребя, похолоднее. Знал ли бедный Николай Богданович Анке, милейший доктор, профессор Московского университета по кафедре фармакологии, общей терапии и токсикологии, тайный советник, род. в Москве, в купеческой семье, 6 декабря 1803 г., ум. в том же городе 17 декабря 1872 г., что пирог по его рецепту обретет такое страшное бессмертие? Любовь Александровна, в девичестве — о, эта музыка незаконнорожденной страсти! — Иславина, в замужестве — о, эта черствая проза супружества! — Берс. Дражайшая и вечно беременная супруга Андрея Евстафьевича Берса, тоже врача.

Коллеги. Ядовитое братство.

Ваша точка зрения не выдерживает никакой критики, батенька. Ваша практика — заноза в моей заднице. Ваш успех — результат прискорбной глупости публики, доверяющей самое ценное, что у нее есть, — собственное здоровье — невежественным шарлатанам. Вы пре-скверный диагност. Но когда настанет ваша очередь умирать, принимать мелкими глотками

(до, и после, и вместо еды) свою порцию земных страданий — мы все соберемся у вашего скорбного одра, все, все до одного, и, сдвинув лысые лбы и потрепанные крылья, будем лечить самоотверженно, истово, ни на что не надеясь, и все-таки молясь, и не беря платы, нет, нет, со своих мы mzды не берем, за своих стоим на коленях бесплатно, потому что нас и так слишком мало, ничтожно мало, настоящих, избранных жрецов истинного бога. Врачей.

Тридцать минут. Тридцать пять.

Качайте вы, коллега, я больше не могу.

Сломанные во имя ускользящей жизни ребра. Замершее сердце. Черные круги. Ледяной пот вдоль спины. Терапия отчаяния. Никаких признаков жизнедеятельности. Мозг умер, когда мы еще и не начинали.

Все равно качайте!

Поздно. Умер.

Поджарен на вертеле за неверный диагноз, убит осатанелой невежественной толпой, отравлен выпитым залпом холерным вибрионом, заражен пациентом, выжжен дотла, забит холестериновыми бляшками, изрезан, истерт до дыр непопулярной ответственностью.

Служил, как медный котелок, — пока не прохудился.

Нимбы долой, коллеги! Не стало еще одного врача.

Черт, ну куда же меня опять занесло? Простите.

Итак, Николай Богданович Анке. Анковский пирог. Рецепт, продиктованный Любви Александровне Берс, теще Толстого (Льва Николаевича, разумеется, два других не в счет). Записывала, высунув от усердия черный язык. Что у вас такое с языком, Любочка? Уголь. Березовый уголь. Брала серебряными щипчиками из специальной шкатулки, глотала, давясь, — скрип на зубах, антрацитовая крошка, круговорот углерода в природе, черные страдающие глаза, худоба. Когда-нибудь мы все снова будем алмазами. Через миллион или более лет. А почему же уголь-то, что за странные пристрастия? Восемь детей. Старый любвеобильный муж. Токсикоз. Бесконечный токсикоз. Уголь — всего лишь тихий вариант нормы, другие на сносках уписывают сырую штукатурку, ломкие карандашные грифели, даже глину. Мать как-то призналась, что, когда ждала меня, ела мыло — глицериновое, полупрозрачное, зеленое, как бутылочное стекло. Один-единственный, почти круглый, обкатанный, как гольш, кусок. Чей-то подарок. Импортное. Эра всеобщего дефицита. Экономила так, чтобы хватило на весь срок. Скребла, нежно нажимая, передними зубами.

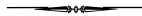
По-мышинному точила. Завязывала что-то внутри себя, строительноствовала, порождала. Интересно, на что пошло это мыло, что из него стало мной? Кровеносные токи? Костяк? Душа, мыльная, неверная, солоноватая на вкус?

Когда б вы знали, из какого сора.

Варенье для баклeвы — то, что из “Анны Карениной”, без воды, — тоже готовится по анковскому рецепту.

Вы не любите Толстого?

Вы ненормальный.



Мама варила совсем другое варенье — хотя тоже из вишни, кислой, подмосковной. Владимирская, шесть рублей ведро. Красная приторная жижа с редкими ягодами закатывалась в литровые и полулитровые банки. Это на зиму, не хватай! Мне доставались только пенки. Розовые, ноздреватые, словно стремительно застывающая мягкая пемза. Помните? Как они будут лизать это с чаем! Отец предлагал дожидаться ужина, не жадничать — ну что ты за свиненок, в конце концов? Иди вымой руки, лентяй. Никогда ничего путного из тебя не выйдет. Приходил с работы, долго сидел в спальне в спущенных по щиколотки штанах, смотрел в стену, переживая какие-то свои взрослые, неви-

данные, неведомые неудачи. Потом шел на кухню и ел гречневую кашу, граненую, гнедую, прикусывая вместо хлеба кругляшом розовой докторской колбасы. Мне такого не давали. То есть давали, конечно, — но колбасу нельзя было есть как хлеб. И вместо хлеба тоже. Только — вместе. Считанные игрушки, потрепанные книжки, брюки, из которых я выросал прежде, чем очередная полочка добиралась до заветного кассового оконца отцовского завода.

Аскетический, выверенный инструментарий советского детства.

Ты уроки сделал?

Нет еще.

Ну что ты за лодырь, а! Непонятно только в кого. А хлеба купил?

Я стоял столбом, ожидая выдачи мелочи, — скомканная в кулаке авоська, ссаженные колени, растоптанные бурые босоножки из “Детского мира”. Слишком маленький и жалкий, чтобы протестовать.

Чего ждешь? Де-е-енег? С деньгами любой дурак может. А ты без денег купи. Рёва-корова.

Зачем он так делал? Воспитывал мне характер? Пожинал судьбу?

Страшно даже сказать, как я его ненавидел.

И ничего. Ничего не изменилось до сих пор.

Орехи смешиваем с перетертыми булками. Добавляем два стакана сахара и полстакана масла. Нужно оливковое, конечно, но кто тогда о нем слышал? Потому — подсолнечное. Продавалось в стеклянных бутылках. Стоило рубль пять. Нет, это у вас, может, девяносто девять копеек. У нас, на углу, в продмаге, — рубль пять. Прохладные гипсовые своды, монументальные мраморные бюсты продавщиц. Слишком величественные, чтобы скандалить. Матроны. Сначала к прилавку, потом в кассу, пробить, потом — снова к прилавку. Челночное снование. Половинку черного и белый. Масла крестьянского — двести грамм. Пересчитать сдачу дважды — не отходя от кассы. Денег, как только я пошел в школу, вдруг стало в обрез — родительские поллучки и авансы никак не сходились, словно в натальной карте начинающего астролога-шарлатана. Даже копеечные советские цены не спасали мать от унижительных бесконечных расчетов. Я тоже отлично управлялся с тяжеловооруженными карманами — десюнчики, двушки, редко-редко — увесистый полтинник. Блаженны не умеющие считать, ибо они живут в земном достатке и думать не думают про царствие небесное. Сами лезьте в свои игольные уши. А нас и тут неплохо кормят.

Мелочь сначала долго копилась в коричневой банке из-под индийского кофе с грудастой грустной гурией на жестяном боку. Дорого. Кто-то когда-то угостил. Пили по большим праздникам, деликатно добавляя в чашку сгущенного молока. Потом праздники кончились, но банка осталась — как символ, как напоминание, стала временным пристанищем для мелких монет. Как можно было выкинуть такое сокровище? Мать даже целлофановые мешочки стиравала в мыльной воде и сушила, долго-долго, жирные, увешанные тяжелыми каплями. В приличных домах копили десятикопеечные монеты, звонко бросали в бутылку из-под советского шампанского, наблюдали сквозь толстую стеклянную зелень, как поднимается уровень достатка и самоуважения.

У самых терпеливых набиралось до горлышка — сто рублей.

Мы о таком и не мечтали.

Банка из-под кофе никогда не наполнялась даже наполовину. Мать то и дело ныряла туда, виновато качала головой. Ладно. Масло не бери, сынок. Обойдемся. Только кефир. Отец до хозяйства не снисходил никогда. Вообще не снисходил до их бедности, необъяснимой, странной, как проклятие. А ведь, кажется, был шишкой на своем заводе — инженер, потом (правда, недолго) даже